

УДК 34

*В.М. Корнуков**

СЛЕДСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И ЕЕ РОЛЬ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена анализу сущности следственной власти, выяснению ее наличия в уголовном судопроизводстве и роли в осуществлении правосудия по уголовным делам. Анализируются соотношение полномочий следственных и надзирающих органов, правовые последствия процессуальных решений органов предварительного следствия и их взаимосвязь с итоговыми выводами суда по уголовному делу. На основе анализа научной литературы, исторических источников и современной правоприменительной практики делается вывод по проблеме. Рассматриваются также противоречивые вопросы практики применения норм уголовно-процессуального права.

Ключевые слова: государственная власть, судебная власть, следственная власть, суд, правосудие, взаимосвязь предварительного расследования и судебного разбирательства, следователь, уголовный процесс.

Поводом для написания этой статьи послужил приближающийся очередной юбилей известного ученого, одного из корифеев науки уголовно-процессуального права, доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста России, порядочного и очень интересного человека Семена Абрамовича Шейфера. Научными интересами юбиляра навеяна и тема статьи. Как известно, Семен Абрамович большую часть своей научной деятельности посвятил проблемам доказывания и доказательств в уголовном процессе. Его взгляд на способы появления уголовно-процессуальных доказательств если не перевернул научное понимание сущности доказательств в уголовном процессе, то многократно обогатил представление науки об этом процессе. Однако как бывший многоопытный следователь Семен Абрамович не мог обойти вниманием полномочия следователя, его деятельность и положение в системе властвующих субъектов Российского государства. Одну из последних изданных им работ профессор С.А. Шейфер специально посвятил анализу досудебного производства под углом зрения становления и развития следственной власти и ее соотношения с властью судебной и прокурорской [1]. Следственная власть для автора указанной работы – бесспорный атрибут уголовно-процессуальной деятельности. В отличие от Семена Абрамовича я никогда глубоко не задумывался о следственной власти и полагал, что следователь, скорее, слуга, чем господин, и потому никакая власть, в ее государственно-возвышенном понимании, ему не присуща. Да, он властвует в среде субъектов уголовного процесса, обладает полномочиями по применению принудительных мер в отношении других участников процесса – граждан, но это только то, что обеспечивает ему возможность исполнять стоящие перед ним задачи, не более того. С точки

* © Корнуков В.М., 2014

Корнуков Владимир Михайлович (vm-kornukov@rambler.ru), кафедра уголовного процесса и криминалистики, Тольяттинский государственный университет, 445667, Российская Федерация, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

зрения государственно-правовой доктрины данное явление не имеет и не может иметь какого-либо самостоятельного значения, поскольку следственные органы всегда были и остаются придатком органов исполнительной власти.

Мое представление по рассматриваемому вопросу перевернул недавний частный разговор с одним из работников прокуратуры, молодым относительно человеком с приличным опытом прокурорской службы. В разговоре он сказал мне примерно следующее: «сегодня судьба уголовного дела всецело зависит от следователя и руководства следственных подразделений, прокуратура практически лишена возможности оказания какого-либо влияния на результаты следствия, а суд, как правило, принимает их в том виде, как они изложены в обвинительном заключении». Ничего нового в этом изречении для меня, в общем-то, не было. Но оно оказалось к месту. Я в это время участвовал в одном из судебных процессов по совершенно безнадежному, с моей точки зрения, для стороны обвинения уголовному делу. И меня вдруг осенило. Всесилие следствия несовместимо с безвластием. Значит, следственная власть не только существует, но и выполняет роль чуть ли не первой скрипки в уголовно-процессуальном оркестре.

Что такое власть вообще, судебная и следственная в частности? Об этом много написано [2–8], в том числе и профессором С.А. Шейфером, и потому я лишь кратко в критическом ключе выражу свое отношение к этому явлению.

Власть не руководство (пусть даже организованное) делами общества, как считают некоторые авторы. Она выступает в виде средства, обеспечивающего такое руководство. Это первое. Второе, суть власти не в принятии актов или совершении действий, имеющих общеобязательную силу (в этом власть проявляется), а в возможности принятия таких актов и совершении соответствующих действий, в возможности обеспечить исполнение указанных актов всеми средствами, в том числе путем прямого принуждения к этому. Феномен власти заключается, прежде всего, в возможности диктата, принудительного навязывания воли одного субъекта другому субъекту (другим субъектам), в возможности установления определенного, чаще всего необходимого и должного порядка поведения в социуме и его обеспечения силой авторитета или авторитетом силы. Возможность установления определенного алгоритма и порядка жизнедеятельности, способность обеспечения его исполнения всеми субъектами, на которых они распространяются, – первейший признак всякой, в том числе государственной, власти. Государственная власть характеризуется особым уровнем влияния, воздействия субъекта, обладающего данным атрибутом, на социальные процессы, его способностью подчинить своей воле поведение всех остальных участников таких процессов. Подобным свойством в уголовном судопроизводстве обладает власть, принадлежащая суду. Судебная власть, будучи независимой самостоятельной ветвью государственной власти, в уголовном судопроизводстве предопределяет решения, действия и поведение всех его субъектов, в том числе выполняющих функции предварительного расследования и уголовного преследования (обвинения). Потому что, согласно положенной в основу российского уголовного судопроизводства парадигме, только суд разрешает уголовное дело и основные возникающие по нему вопросы по существу. Все остальные государственные органы и участники процесса «работают на суд» и под его контролем, поскольку знают, что окончательное решение по уголовному делу и всем указанным выше вопросам зависит от позиции суда и того, какими исходными данными (доказательствами) он будет располагать на момент принятия соответствующего решения. Кроме того, как известно, все значимые решения, принимаемые в досудебном производстве, по закону подлежат судебному обжалованию. Конституционный суд РФ, подчеркивая значимость конституционного права каждого человека на судебную защиту, неоднократно указывал на то, что это право «подра-

зумекает создание государством необходимых условий для эффективного и справедливого разбирательства дела, прежде всего в суде первой инстанции, где подлежат разрешению все существенные для определения прав и обязанностей сторон вопросы» [9]. О какой следственной власти можно говорить в этих условиях? Профессор С.А. Шейфер, выделяя в уголовном судопроизводстве три вида власти: судебную, прокурорскую и следственную, — исходит их двух основополагающих для его концепции обстоятельств. Первое, он полагает, что государственно-правовой принцип разделения государственной власти обязательно должен реализовываться в уголовном судопроизводстве. Возможно, но тогда почему под иным названием ее ветвей? Это, во-первых. А во-вторых, разве то, о чем пишет Семен Абрамович, не является прямым следствием не принципа разделения властей, а принципа состязательности? Второе. И судебную, и прокурорскую, и следственную власть автор определяет через полномочия. По его мнению, «судебная власть — это полномочия суда разрешать возникающие в сфере права конфликты...», прокурорская (обвинительная) власть — это полномочия по обнаружению и преследованию виновных, власть следователя — это реализация полномочий в целях объективного исследования обстоятельств дела и формирования доказательственной базы, необходимой для справедливого разрешения уголовного дела» [1, с. 25–26]. Конструкция в своей логической основе замечательная. Но, во-первых, она базируется не на действующем российском законодательстве, а на историческом его анализе, а точнее, на положениях Устава уголовного судопроизводства 1864 года и предшествующих ему актов. Во-вторых, употребление термина «полномочия» для определения сути власти, на наш взгляд, существенно упрощает проблему. Безусловно, власть и полномочия — соотносимые понятия, но каждое из них имеет собственный самостоятельный смысл. Полномочиями обозначаются права и обязанности должностных лиц, осуществляющих соответствующую деятельность. С их помощью власть очерчивается, конкретизируется (расширяется либо ограничивается) и реализуется посредством возникновения соответствующих правоотношений. Иными словами, полномочия — это одно из технологических слагаемых власти или механизма ее реализации. Придавать понятию «полномочия» иное значение вряд ли имеет смысл. С точки зрения формальной логики власть конкретного субъекта даже можно представить в виде совокупности предоставленных ему полномочий. Но суть власти в ее государственно-правовом смысле, в том значении, о котором речь шла выше, полномочия не выражают. Кроме того, расследование или исследование обстоятельств уголовного дела посредством собирания (формирования, по Шейферу) доказательственной базы с целью обеспечения справедливого его разрешения судом — это функция следователя, назначение его деятельности (ныне противостоит окрашенная законодателем в обвинительный цвет). Так же как выявление преступлений и уголовное преследование лиц, виновных в их совершении, является функцией прокурора.

Регламенты осуществления уголовно-процессуальной деятельности и взаимодействия ее участников, сформированные действующим российским уголовно-процессуальным законодательством, в своей основе просты и прозрачны. При их последовательном соблюдении они, даже при всех имеющихся недостатках, исключают властное манипулирование уголовно-процессуальными средствами и результатами уголовно-процессуальной деятельности. Сущность и значение результатов досудебной деятельности по расследованию определяются прилагательным «предварительное». Эта деятельность создает основу и определяет пределы судебного производства по уголовным делам. Сформулировав обвинение, органы предварительного расследования после составления обвинительного акта утрачивают возможность процессуального воздействия на дальнейшую судьбу уголовного дела. Как следует из Постановления

Конституционного суда РФ от 02.07.2013 года, Конституция Российской Федерации отводит независимому и беспристрастному по своей природе суду решающую роль в государственной защите прав и свобод человека и гражданина. Именно предоставленными суду прерогативами по осуществлению правосудия предопределяется ценность закрепленного статьей 46 Конституции права на судебную защиту как гарантии всех других прав и свобод человека и гражданина, а также значение судебных решений как государственных правовых актов, которые выносятся именем Российской Федерации и имеют общеобязательный характер [3].

Власть в уголовном судопроизводстве в любом случае носит уголовно-процессуальный характер и проявляется в значимости решений, принимаемых тем или иным субъектом, обладающим этим атрибутом, для определения непосредственного состояния субъектов уголовно-процессуальных отношений или для последующей деятельности, касающейся тех же обстоятельств. О следственной власти можно судить по воздействию решений органов предварительного расследования на решения, принимаемые судом, по тому, как воспринимаются результаты их деятельности при разрешении им уголовного дела по существу. Если исходить из того, что следователь и прокурор представляют одну сторону процесса – обвинение, а их вывод по делу, приведший его направление в суд, является всего лишь версией произошедшего, подлежащей всесторонней проверке и исследованию в судебном заседании с учетом представленных материалов и суждений другой стороны – защиты, то оснований для утверждения о наличии в уголовном судопроизводстве следственной власти вообще нет и быть не может. Если же подходить к указанному выше вопросу с позиции давно сложившейся и ныне активно культивируемой практики взаимоотношений судов с органами предварительного расследования, то эта власть настолько очевидна, что грозит если не парализовать правосудие, то существенно затруднить достижение его целей и уж точно похоронить все достижения правовой науки, направленные на обеспечение справедливости российского правосудия по уголовным делам.

На чем же базируются выше приведенное изречение прокурорского работника и только что изложенное нами утверждение о всемогущей «следственной власти»? Ответ, на наш взгляд, прост. В основе указанного явления лежит российская ментальность, веками взращиваемая и поддерживаемая страхом перед органами, занимающимися расследованием преступлений, и другими карательными органами государства. Европа и другие западные страны избавились от этого страха, мы – нет. Всякое упоминание о начале любой деятельности органов расследования в отношении российского человека приводит в дрожь не только его, но и окружающих. В преодолении этого сложившегося стереотипа мышления бессильно даже уголовно-процессуальное право, базирующееся на весьма гуманных и демократических положениях Конституции Российской Федерации. Не срабатывает и всемерное возвышение авторитета судебной власти. Потому что в большинстве случаев оно носит формальный, декларативный характер. А страх перед возможностями следственного аппарата довольно реален. Вспоминается случай, опубликованный в «Российской газете», связанный с реализацией закона, запрещающего применение в качестве меры пресечения заключения под стражу к лицам, подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений в сфере предпринимательской деятельности. Судья одного из судов Поволжского региона сразу после вступления в силу указанного закона изменила в отношении предпринимателя, на которого распространялся этот закон, ранее избранную в отношении него меру пресечения в виде ареста на подписку о невыезде. Через несколько дней в той же газете была размещена информация о том, что по поводу данного факта в отношении судьи начата доследственная проверка в порядке ст. 144 УПК РФ. В условиях разгула коррупции и необходимости усиления борьбы с этим злом участившиеся

доклады – рапорты руководителей следственных органов о количестве привлеченных к уголовной ответственности судей, прокуроров, адвокатов становятся жестким предупреждением всем о нежелательности каких-либо споров с результатами предварительного расследования, а тем более сомнений в их объективности. Примерно таким образом в уголовном судопроизводстве работает модель экономиста Виллиама Нисканена (согласно ей внутренние интересы организации выражаются в наращивании своего бюджета и влияния [10]), приводящая к тому, что российский уголовный процесс при его рассмотрении сквозь призму взаимодействия между ведомствами характеризуется как система, в которой доминирующую роль играет предварительное следствие, а судебное разбирательство служит процедурой «легитимизации действий, совершенных на предварительном следствии» [11]. Этим в основном определяется статистика оправдательных приговоров и их восприятие как брака в работе правоохранительной системы. Даже в условиях деградации профессионального уровня следователей процент оправдательных приговоров не растет, а имеет тенденцию к уменьшению.

Парадоксальную роль в условиях изложенного выше функционирования системы взаимодействия предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел играет стремление законодателя к расширению гарантий прав лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений. Данное обстоятельство очень точно подмечено профессором С.А. Шейфером применительно к старому российскому уголовно-процессуальному законодательству. Причина, по которой дореформенное российское законодательство 1832 года (имеются в виду Законы о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках, сокращенно ЗОС) содержало широкий по объему круг предписаний, адресованных следователю и прокурору, имевшим целью оградить обвиняемого от произвола, по его мнению, коренилась «в исключительно важной, решающей роли, придававшейся полицейскому расследованию в разрешении уголовного дела, в ущерб роли суда» [1, с. 42]. Что подтверждается наличием в ст. 549 ЗОС правила, предусматривавшего возможность вынесения приговора на основании выписок из уголовного дела без их непосредственного исследования в суде.

Двойственный смысл законодательному обеспечению строгого соблюдения требований УПК РФ и расширению гарантий прав лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений при расследовании уголовных дел, нередко придается и в настоящее время. Суждения о том, что соблюдение требований закона при производстве следственных действий исключают всякие сомнения в достоверности полученных таким путем доказательств, довольно распространены на практике. В своей адвокатской практике я нередко сталкивался с ситуациями, когда явно необъективное заключение эксперта, опровергаемое квалифицированным заключением специалиста, бралось за основу при разрешении соответствующих вопросов только потому, что было получено с соблюдением предусмотренной законом процессуальной формы. Только в одном из десяти случаев заключение специалиста помогло мне – нет, не опровергнуть (такое вряд ли возможно) выводы проведенного экспертного исследования, а лишь добиться назначения повторной экспертизы.

Еще хуже обстоит дело с правом подозреваемого на защиту, обеспечиваемым путем обязательного назначения защитника, если подозреваемый не отказался от защитника (п. 1 ч. 1 ст. УПК РФ). Будучи задержанным в порядке, предусмотренном статьями 91 и 92 УПК РФ, подозреваемый под воздействием угроз и обещаний дает показания, которые ему, по существу, навязываются оперативными работниками. Придя в себя после проведения всех первоначальных процедур, он осознает пагубность своего поведения при задержании и даче показаний при допросе в качестве

подозреваемого. Однако ничего изменить уже не может, данные им в присутствии адвоката показания признаются доказательством. Между тем при отсутствии адвоката такие показания могли быть исключены из доказательственной базы по уголовному делу. Подобные противоречия в законодательном регулировании судопроизводства по уголовным делам и обеспечении прав и законных интересов его участников далеко не редкость, их можно обнаружить во многих других случаях. По своей сути они схожи с проблемой отсутствия и всепаления следственной власти в уголовном судопроизводстве.

Библиографический список

1. Шейфер С.А. Досудебное производство: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М.: Норма Информ-М, 2013.
2. Коркунов Н.М. История философии. СПб., 1915. С. 491.
3. Котляревский С.А. Власть и право. М., 1915. С. 16–18.
4. Кабышев В.Т. Народовластие развитого социализма. Конституционные вопросы. Саратов, 1979. С. 17.
5. Бойков А.Д. Третья власть в России: Очерки о правосудии, законности и судебной реформе 1990–1996 гг. М., 1997.
6. Савицкий В.М. Организация судебной власти в Российской Федерации. М., 1996.
7. Становление судебной власти в обновляющейся России / под ред. Б.Н. Топорнина. М., 1998.
8. Колоколов Н.А. Судебная власть: от лозунга к пониманию реальности. М., 2010.
9. Постановление Конституционного суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда от 2 июля 2013 года // Рос. газ. 2013. 12 июля. № 151 (612).
10. Нисканен В.А. Особая экономика бюрократии: статья [Электронный ресурс] / Ассоциация исследователей экономики общественного сектора. URL: http://www.aspe.spb.ru/_private/niskanen.pdf, свободный.
11. Поздняков М.Л. Суд и правоохранительная система – политика отмены оправдательных приговоров. Препринт IRL-03/2014. СПб., 2014.

References

1. Sheifer S.A. Pre-trial procedure: stages of development of investigative, judicial and procuracy authorities. M., Norma Inform-M, 2013. [in Russian]
2. Korkunov N.M. History of Philosophy. SPb., 1915, p. 491. [in Russian].
3. Kotlyarevsky S.A. Power and right. M., 1915, pp. 16–18. [in Russian]
4. Kabyshev V.T. Democracy of developed socialism. Constitutional issues. Saratov, 1979, p. 17.
5. Boikov A.D. Third power in Russia: Essays on justice, legitimacy and judicial reform of 1990–1996. M., 1997.
6. Savitsky V.M. Organization of judiciary in the Russian Federation. M., 1996.
7. Formation of judiciary in the renewing Russia. B.N. Topornin [ed.]. M., 1998.
8. Kolokolov N.A. Judiciary: from slogan to the understanding of reality. M., 2010. [in Russian]
9. Judgment of Constitutional Court of the Russian Federation on the case of testing of the constitutionality of the provisions of the first paragraph of article 237 of Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of the citizen of the Republic of Uzbekistan B.T.Gadaev and request of Kurgan Regional Court on July 2, 2013. *Rossiiskaia gazeta*, 2013, July 12, no. 151 (612). [in Russian]
10. Niskanen V.A. Special economy of bureaucracy. *Association of researches of Economics*. Available at: http://www.aspe.spb.ru/_private/niskanen.pdf, free access.
11. Pozdnyakov M.L. Court and law enforcement system – policy of cassation of an acquitting. Preprint IRL-03/2014. St. Petersburg, 2014. [in Russian]

*N.M. Kornukov**

INVESTIGATIVE POWER AND ITS ROLE IN THE IMPLEMENTATION OF JUSTICE ON CRIMINAL CASES IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article is devoted to the analysis of nature of investigative power, elucidation of its presence in the criminal justice and the role of implementation of justice on criminal cases. The relation between the powers of investigative and supervising authorities, legal consequences of procedural decisions of preliminary investigation agencies and their relationship with final conclusions of the court on a criminal case is analyzed. On the basis of analysis of scientific literature, historical sources and modern law enforcement practice, the conclusion about the problem is made. Controversial issues of practice of application of the norms of criminal procedure are also viewed.

Key words: governmental power, judiciary power, investigative power, court, justice, relationship of preliminary investigation and trial, investigator, criminal procedure.

* *Kornukov Vladimir Mikhailovich* (vm-kornukov@rambler.ru), the Dept. of Criminal Procedure and Criminalistics, Togliatti State University, Togliatti, 445667, Russian Federation.